

НЕКОТОРЫЕ ОБЫЧАИ ИЗБЕГАНИЯ У МОНГОЛОВ

Под обычаями избегания в этнографической литературе понимается совокупность различных запретов, соблюдаемых членами семьи или родственниками в отношении друг друга. Характерная его черта — тесное переплетение с родовым бытом. Более того, такие обычаи имеют этническую окраску, проявляясь неодинаково у разных этносов¹.

Обычай избегания у монголов входит как составная часть в комплекс свадебной (включая досвадебную и послесвадебную) обрядности и включает избегание женихом родственников невесты, невесткой — свекра и старших родственников мужа в первое время после свадьбы, избегание зятем тещи, длящееся иногда всю жизнь. Среди них наиболее характерным является избегание невесткой всех старших родственников мужа.

Избегание между молодыми и родственниками мужа и жены у монголов давно ушло в прошлое, однако старые люди еще помнят, что в их детстве существовали такие обычаи и обряды.

Обычай избегания невестки известен не только монголам, но и многим другим народам. Сведения об аналогичных обрядах у калмыков и бурят содержатся в работах Б. Э. Петри, У. Душана, А. В. Бурдукова, Ч. Соднома, П. Аалто. Устойчивость этого обычая в условиях патриархального быта мотивировалась прежде всего тем, что почитание старшего в семье — одна из ее главных социальных функций и условие сохранения социальной ячейки общества. Монгольское название обычая избегания невестки — *бэр бэрлэх*. Этимологически термин *бэрлэх* (избегать) происходит от слова *бэр* (невестка). Суть явления можно выразить также термином *айх-зовох* (бояться), что означает также «стыдиться» или «уважать».

В монгольском обществе «избегание невестки» главным образом регламентировалось брачными экзогамными нормами. В условиях кочевой жизни этот обычай был тесно связан с положением женщины после замужества и требовал соблюдения от нее трех основных правил. Во-первых, невестка должна была подчиняться всем, кто старше ее в семье мужа, особенно избегать тех лиц, перед кем она совершала обряд «поклона» (*моргосон хадмаас бэрлэх*). Во-вторых, невестка должна была носить одежду соответствующего покроя — одежду замужних женщин. В-третьих, для нее существовала специфика разговорной речи.

Судя по литературным источникам и полевым исследованиям, избегание невесткой некоторых родственников можно связать с другими семейными обычаями, к которым относятся: почитание неба, очага, святынь родительского дома, т. е. того, что составляло основы семейной жизни. Велика была роль и обычного права.

Существовал обряд «сопровождения невесты» при ее выходе замуж (*авгай болгох ес*). Этот обряд обычно проводился в юрте у сватов (с той или другой стороны). Невесте заплетали две косы, с которыми она обязана была ходить. В народе говорили: *хар усээ хагалах* (досл. «разделить черные волосы»). Правую косу заплетала жена старшего брата жениха, левую — аналогичное лицо со стороны невесты. На косы надевался чехол из черной материи, к концам кос прикрепляли специальное украшение (ойрат. *токуг*). Перед заплетанием кос жениха сажали рядом с невестой, соединяли их косы * и расчесывали

* Традиционная мужская прическа вплоть до нач. XX в. — коса, заплетенная на затылке.

вместе, что символически означало их единение (*ус нийлуулэх* досл. «соединение волос»). Затем на невесту надевали одежду замужней женщины; на голову — украшение (*толгойн боолт*), головной убор (*малгай*), халат без пояса (*дээл*), на него — безрукавку (ойрат. *цэгдэг*, бурят, *ууж*). По традиции, невестка не должна была показываться свекру и посторонним с непокрытой головой, босая, а также в их присутствии снимать одежду, предназначенную для замужней женщины. Плано Карпини писал: «...без (этого) убора они никогда не появляются на глаза людям, и по нему узнают их другие женщины»².

Замужнюю женщину у монголов в старину называли «беспоясная» (*бусгуй*)³, так как пояс ей носить не полагалось. Отдавая дочь замуж, родители оставляли ее девичий пояс у себя.

Существовал обряд призывания «счастья по поясу» (*хурайлах*). Этот обычай отмечала К. В. Вяткина у халхасцев в 1948—1949 гг. Он состоял в том, что родители невесты «делали» все, чтобы выдаваемая замуж дочь не унесла из дома «счастье». Они выходили из юрты вслед за ней с ведром молока и делали по направлению к себе «манящие» жесты. Это был обряд призывания счастья (*даллага*). При этом они произносили: «Хурай, хурай»⁴ — слова, которые можно перевести как «да будет! да сбудется!». В комплексе обрядов, имеющих отношение к избеганию, важную роль играет обряд «поклона» невестки (*бэр моргох*) семейному очагу родителей мужа, *бурхану* — божеству — хранителю семьи, а также свекру и другим старшим родственникам мужа. После этого вступал в силу обычай избегания ею тех, кому она совершила обряд «поклона».

После свадьбы в течение 3 дней невестка, как правило, не выходила из-за занавески, за которой она должна была сидеть. Этот обычай характерен для западных монголов. Чтобы избавить невестку от постоянного скрывания, а также дать ей возможность общаться с людьми, которых она избегала до этого времени, устраивался так называемый обряд «снятия занавески» (*хошиг тайлах*). Суть его в том, что отец мужа, поднимая занавеску стрелой от лука, впоследствии замененной шомполом кремневого ружья, говорил: «Выходи, дочь моя, выросшая в неизвестном нам месте, из своего укрытия» (*далд оссон миний охин ил гаржуу*). Затем свекровь обещала подарить ей скот и сопровождала это обещание благопожеланием: «Садись на верблюда черной масти и веди свой караван» (*хар атаараа ачаа хотолж явжуу*)⁵. Это благопожелание — напоминание о том, что в прошлом у монголов при перекочевках караван вела женщина. Во время обряда у халха собираются родственники молодых и открывают деревянный шкаф (*ухэг*), в котором находится целая туша барана (*бутэн хонины мах*), привезенная из дома родителей невестки. Несколько по-иному проводился этот обряд у байтов и дэрбэтов, его описал в своем исследовании этнограф Ц. Ауюш⁶.

Монголы для молодоженов обычно ставили отдельную юрту. По традиции, считалось более удобным, чтобы стойбища породнившихся «по сватовству» семей были бы так далеко, чтобы невестка не могла пройти пешком расстояние между ними и не могла добраться до юрты своих родителей. Полагали, что чем реже виделись семьи, тем меньше возникало между ними раздоров. В связи с этим в народе до сих пор бытует выражение: лучше находиться поближе к дровам (имеются в виду дрова для отопления), к воде (т. е. вода для питья) и подальше от юрт сосватанных семей: «*Усан тулээний оир нь сайн, ураг элекний хол нь сайн*».

Жена должна была уважать мужа. По этому поводу существовала поговорка: Верблюд должен нести груз, жена должна молча сносить все (*атан тэмээ ачаа даадаг, авааль хань уг даадаг естой*). Основным имуществом распоряжался глава семьи, муж решал вопрос о том, что продать, что купить. Роль жены сводилась к хозяйственной деятельности, и только в ней она чувствовала себя совершенно свободной.

После замужества, особенно в первое время, для невестки существовали

Словосочетания для замены имен родных и родителей мужа

Имя отца (матери) и других родственников мужа	Слова, которые невестка избегала произносить	Заменители этих слов
<i>Тулга</i>	<i>тулга</i> («таган»)	<i>залийн ган</i> (железо в огне)
<i>Мухарцагаан</i>	<i>мухарцагаан ямаа</i> (безрогий белый козел)	<i>эвэргуй гялаан ямаа</i> (безрогий светлый козел)
<i>Хишиг</i>	<i>хишиг</i> (счастье)	<i>хутаг</i> (милость)
<i>Чимэд</i>	(галын) <i>чимхуур</i> (щипцы для угля)	(галын) <i>хайч</i> (ножницы для угля)
<i>Харховуун</i>	<i>хар морь</i> (черный конь)	<i>бараан морь</i> (конь темной масти)
<i>Сайндаа</i>	<i>сайн</i> («хороший, благополучный»)	<i>чийрэг</i> (сильный, крепкий)
<i>Батаа</i>	<i>батлаад уя</i> (проверь, как привязаны)	<i>бэхлээд уя</i> (крепче привяжи)
<i>Сух</i>	<i>сух</i> (топор)	<i>тулээ цохидог томор</i> (железо для удара или для колки дров)
<i>Гарам</i>	<i>гарна</i> (выходить)	<i>алхана</i> (ходить)
<i>Галаа</i>	<i>гал</i> (огонь)	<i>дөл</i> (пламя)
<i>Ноосой</i>	<i>ноос</i> (шерсть)	<i>даахи</i> (волос)
<i>Гэрэл</i>	<i>гэрэл</i> (свет)	<i>нар</i> (солнце)
<i>Хайсаа</i>	<i>хайс</i> (местное название котла)	<i>тогоо</i> (котел)
<i>Замба</i>	<i>зам</i> (дорога)	<i>хаалга</i> (ворота)
<i>Өлзий</i>	<i>өлзий</i> (благо, счастье)	<i>гулз</i> или <i>уялга</i> (узелок на счастье)
<i>Төмөр</i>	<i>төмөр</i> (железо)	<i>болд</i> (сталь)

обязанности, выполнение которых было строго обязательно. В частности, каждое утро в первые 3 дня она, встав рано, должна была открывать покрытие дымового отверстия юрты родителей мужа (*орх татах*), разводить огонь в очаге и их юрте. При этом она не должна была заходить за очаг, т. е. дальше опоры дымового отверстия (*багана*), и на почетную сторону (*хоймор*) в их юрте. Более того, каждый год в новолуние нового года невестка обязана была делать поклон очагу в юрте родителей мужа. В этот день обряд «жертвоприношения» совершался именно в родительской юрте, даже если там проживали младшие члены семьи¹. Таким образом, родительская юрта, как правило, считалась «большой», самой важной, значительной, так как к очагу предков относились с уважением.

Молодая жена не должна была называть родителей и родных мужа по имени и даже похожими по звучанию словами; она могла заменять их другими словами, близкими по смыслу². Например: если имя отца мужа Далай, невестка не могла произносить слово *дал* (*лопатка*) и заменяла его другим, в данном случае *хавтгай яс* (широкая кость).

Если трудно было подобрать синонимы или слова, понятные каждому, в слове меняли начальную букву.

В монгольском фольклоре есть такая притча. В одной семье была невестка; она долгое время молчала; однажды ей потребовалось сказать о том, что на ее глазах в кустах около речки волк съел барана. Ей нельзя было произносить слов «река», «дерево», «волк», «баран-производитель». Поэтому она, заменив эти слова, сообщила своим о происшедшем событии следующим образом. Вместо слова «река» (*гол*) она употребила слово «поток» (*урсгал*); вместо слова «дерево» (*мод*) — «растение», вместо слова «волк» (*чоно*) употребила описательное понятие — «янгирва (животное, напоминающее козла) с крепкими зубами», вместо слова «баран» — слово *дардамбаа* (т. е. «старшина блеющих»). В итоге ее фраза звучала следующим образом: «У потока на берегу возле подошвы растения старшину блеющих янгирва с крепкими зубами глотал» (*Ургамалын ероолд, урсгалын ховоонд ясан шудэн янгирва миламхайн ахлаач дар-*

дамбааг чамчичхажээ) ⁹. Весь этот сложный этикет действовал и психологически: жизнерадостную девушку превращал в молчаливницу. Она боялась говорить, чтобы не ошибиться, не произнести того, что произносить ей не полагалось. И вообще монголы полагали, что самая «приличная» из невесток та, что более сдержанна.

Обычно жена не называла своего мужа по имени. Говоря о нем, она пользовалась такими словами: «наш человек» (*манай хун*), «хозяин дома» (*гэрийн эзэн*), «глава семьи» (*орхийн толгойлогч*), «отец детей» (*хуухдийн эцэг*). Она могла называть своего мужа только на «вы» (*та*), в ее словаре в обращении к мужу не существовало слова «ты» (*чи*).

Считалось неприличным мужу и жене ходить вместе. Супругам не полагалось садиться вместе на коня (*моринд сундлахыг цээрлэх*). В новый год муж и жена не должны были друг с другом совершать обряд *золгох* ¹⁰ (специальное новогоднее приветствие), так как считалось, что они составляют единое целое (*нэг бие*).

С возрастом, особенно с рождением детей, невестка становилась более самостоятельной в кругу своей новой семьи. Срок соблюдения этого обычая во многом был связан с положением данной семьи, а также с тем, как невестка вела себя в новых семейных условиях. Например, среди дархатов свекор по своему усмотрению по прошествии третьего года со времени «поклона невестки очагу» как бы освобождал ее от соблюдения всяких правил, после чего она становилась так называемой «свободной невесткой» (*дархан бэр*) ¹¹. Кроме того, в последние столетия после принятия буддизма в народе часто встречалось слово «грех» (*нугэл*), связанное с религиозными запретами, относившимися уже не только к замужней женщине, но и ко всему взрослому населению в целом.

Замечено также, что избегание женихом родственников невесты длилось до официального визита жениха в дом родителей невесты. Вечером, накануне свадьбы, совершался следующий обряд: жених с сопровождающим его лицом должен был зайти в юрту будущего тестя, чтобы обменяться табакеркой (*хургэн тамхилах*) с родителями невесты или показаться своим будущим родственникам (*хургэн үзэгдэх*). Это называлось «показаться зятю» или обменяться табакеркой. После свершения этого ритуала избегание жениха прекращалось. Бывало, что зять, уважая тещу, всю жизнь соблюдал обычай ее избегания и не называл ее по имени. Обычай избегания мог проявляться и в такой форме: если зять ехал куда-то по делам мимо *айла*, где живет теща, по правилам этикета он должен был обязательно к ней зайти. Однако, соблюдая обряд «избегания», он не делал этого, а лишь освобождал ногу из стремени со стороны ее юрты (*гэр талын дороо мултлах*). Этот обычай заменял визит к ней ¹². Это один из признаков традиционного избегания зятем родственников жены.

Уважительное отношение невестки к родителям и родственникам старшего поколения проявлялось по-разному: в частности, она не имела права ездить на коне свекра, в его седле; в его присутствии не могла вмешиваться в разговор с гостями и другими лицами. Вообще со старшими членами семьи ей не разрешалось заговаривать первой, на их вопросы она должна была отвечать негромким голосом или кивком головы.

Обычай угощения нюхательным табаком свекра невесткой осуществлялся только через несколько лет после замужества. Пока невестка еще не стала «свободной невесткой» (*дархан бэр*), она не могла угощать свекра табаком и подавать ему пиалу с чаем. Если требовалось, она их передавала свекру через кого-либо.

В заключение можно сказать, что обычай избегания — один из тех, что может служить показателем социальных функций семьи.

От степени соблюдения его невесткой зависело уважение к ней со стороны родни мужа и всего остального окружения. Народная традиция передавала его из поколения в поколение, считая важной составной частью системы этических правил.

Примечания

¹ Статья написана на основе полевых материалов, собранных автором в 1965—1982 гг. главным образом среди ойратов и халха, проживающих в северо-западных районах МНР.

² Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 27.

³ *Лувсанбалдан Х., Шагдарсурэн Ц.* Монголчуудын усэг бичиг, уг хэллэгийн туух гарлаас. (Из истории происхождения языка и письменности монголов). Улаанбаатар. 1986. С. 43 (на монг. яз.).

⁴ *Вяткина К. В.* Монголы Монгольской Народной Республики // Восточно-азиатский этногр. сборник. Труды Ин-та этнографии. Т. 60. М.; Л., 1960. С. 211.

⁵ Полевые материалы автора, 1967. (Хранятся в Архиве Института истории АН МНР).

⁶ *Аюуш Ц.* Монголчуудын уламжлалт хуримын зан уйлийн оорчлолт, шинэтгэл (Модернизация традиционного свадебного обряда монголов) // Этнографийн судлал Т. VIII. Улаанбаатар, 1982. С. 68 (на монг. яз.).

⁷ Полевые записи автора. 1975, 1981.

⁸ Полевые записи автора, 1966—1967; 1982; см. также: *Петри Б. Э.* Внутриродовые отношения у северных бурят. Иркутск, 1925. С. 23—32; *Бурдуков А. В.* Этюды по этнографии калмыков // Сов. этнография. 1936. № 2; *Аалто П.* Халимаг бусгуйчуудийн хэлний тухай (О языке калмычки) // Монголын судлал. Т. 2. Улаанбаатар. 1961. С. 227; *Содном Ч.* Монгол хүний нэрийн тухай (О монгольских именах). Улаанбаатар, 1964. С. 63; *Душан У.* Обычаи и обряды дореволюционной Калмыкии // Этногр. сборник, I. Элиста, 1976. С. 16—18.

⁹ Полевые записи автора. 1967; 1978.

¹⁰ Этот обряд описан в кн.: *Жуковская Н. Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988. С. 53.

¹¹ Бадамхатан С. Ховсголийн дархад ястан (Хубсугульские дархаты). Улаанбаатар. 1965. С. 184.

¹² Полевые записи автора. 1970; 1975.